

Глава 39. Смерть Поэта (4)

Магия была предметом ни лёгким, ни сложным. Тан Цю закрыл глаза, потренировался в соответствии с «Методами Лунной Медитации», описанными в книге, и успешно ощутил магические элементы, существовавшие в окружающем его пространстве.

В отличие от естественного пробуждения у обладателей особых способностей, маг уделял внимание сродству со стихиями. Существовало так много типов магии, и тот тип, с которым у мага было большее сродство, было легче поглощать, а заклинания этого типа можно было выпускать быстрее.

Тан Цю попытался почувствовать своё окружение, но обнаружил, что магические элементы в его пространстве оставались на расстоянии. Если бы магические элементы могли проявлять свои эмоции, их выражение должно было бы быть таким же, как у Тан Цю, то есть — без выражения.

Магические элементы поглощались его телом и превращались в магическую энергию.

Спустя десять минут Тан Цю почувствовал, что в его теле собралось равное количество каждого элемента, и они по-прежнему оставались безэмоциональными. Он добавил все очки к своему значению Силы, в то время как его Интеллект оставался на 0. Даже с его базовыми данными у него не было большой ёмкости для удержания магической энергии. Теперь, когда ему приходилось делить свою ёмкость на разные типы, он не знал, накопил ли каждый тип достаточно энергии, чтобы вообще произнести заклинание.

Как только он завершил этот шаг, следующее, что его ждало, было произнесение заклинаний.

Магические заклинания казались резкими и неудобными. Даже несмотря на то, что простые заклинания начального уровня были очень короткими, состоя всего из нескольких слогов, как только Тан Цю открывал рот, магическая энергия в его теле начинала бушевать и вызывала лёгкую головную боль.

Его лицо оставалось неизменным, пока он попробовал ещё несколько раз, периодически произнося заклинание «Огненный Шар».

Едва его голос затих, перед ним появился маленький огненный шар и несколько раз качнулся. С «хлопком» он появился, затем с ещё одним «хлопком» исчез.

Тан Цю с бесстрастным лицом посмотрел на палочку в своей руке.

Эту палочку из орехового дерева взял Цзинь Чэн в магазине магии. То, что его огненный шар исчез так быстро, должно быть, из-за этой низкокачественной палочки.

Поэтому он снова сотворил огненный шар, и на этот раз он отчётливо почувствовал, что его магические элементы вообще не активны. Они были пассивны и ленивы, и объявили забастовку в тот момент, когда их призвали.

Услышав звук, Цзинь Чэн оторвался от книги и встретился с ним взглядом. Тан Цю спокойно смотрел на него, желая услышать, что скажет инструктор.

Цзинь Чэн сказал:

— Твой огненный шар очень яркий.

Тан Цю: «...»

Когда Цзинь Чэн наконец узнал о проблеме Тан Цю, он мало что прокомментировал и просто сказал:

— Ближний бой действительно тебе больше подходит.

Тан Цю прищурился:

— А внутри ты смеёшься надо мной?

Цзинь Чэн:

— Разве ты не знаешь, что клевета на инструктора — это преступление?

Тан Цю:

— В Городе Вечной Ночи нет такого преступления.

Цк, этот маленький негодяй становится всё более неуловимым.

Цзинь Чэн закрыл книгу и сказал:

— Разве ты никогда раньше не читал фэнтези? Главный герой такой же, как ты, универсальный маг, который не может специализироваться ни на одном типе. Все думают, что он бесполезен, смеются над ним, оскорбляют его, а потом все жестоко контратакуют. После этого он взбирается на вершину жизни.

Тан Цю: «...»

Что Цзинь Чэн не сказал, так это то, что в Городе Вечной Ночи ходила поговорка обо всех этих «универсальных» магах и обладателях особых способностей — «издали выглядят грозно, а приблизившись, слабее листа бумаги».

Тан Цю знал, что все его «взбирания на вершину жизни» — чушь. Но он изначально и не собирался становиться магом, когда пришёл сюда, поэтому пока не чувствовал разочарования.

— Нашёл закладку? — спросил он.

— Ещё нет, но я видел имя Ланселота на многих карточках выдачи. — Цзинь Чэн вытащил одну из них двумя пальцами и бросил Тан Цю.

Тан Цю поймал её, пробежался глазами по именам, перевернул и нашёл строчку с надписью.

[Когда я вырасту, я обязательно найду самый красивый цветок в мире и привезу его обратно в Королевство, Сокрытое в Лунном Свете.]

Почерк выглядел точно так же, как подпись Ланселота, и, казалось, был относительно старым. Должно быть, это было написано, когда он учился здесь. Сбылось ли желание барда Ланселота?

Тан Цю не удержался и взглянул в окно, на белую розу, цветущую в лунном свете.

На данный момент они не были уверены, полезна ли запись Ланселота на карточке выдачи или нет. Затем Цзинь Чэн быстро пролистал оставшиеся книги и в итоге нашёл закладку Ив.

Она была зажата в одной из тех книг о путешествиях, и на закладке также была найдена строчка с надписью.

[Если ты хочешь стать великим путешественником, ты должен быть храбрым, Ив.]

Маленькие буквы были расположены неаккуратно, почерк — довольно кривой, и даже были опечатки. Это казалось посланием, которое Ив написала себе самой, или, возможно, чем-то, что она скрывала в своём сердце и никогда никому не рассказывала.

Она была ребёнком, рождённым в пустыне, который жаждал исследовать бескрайний континент и хотел стать путешественником. Именно поэтому закладка была вложена в книгу о путешествиях.

Пока Цзинь Чэн искал закладку, Тан Цю также изучил оставшиеся заклинания начального уровня в книге, а именно: «Свечение», «Водяной Шар», «Ветряной Клинок», «Молния» и «Землетрясение». Несколько других заклинаний казались ни подходящими для начинающих,

ни практичными для него самого, поэтому Тан Цю пока отложил их.

Но, к сожалению, они всё ещё не нашли карту Королевства, Сокрытого в Лунном Свете, и пока не могли определить местоположение Колодца Времени.

Выйдя из школы, они побродили вокруг и снова оказались у башни на западе города. Было около часа или двух ночи, и луна висела высоко в небе. Цзинь Чэн зажёт фонарь перед башней и снова поднялся наверх.

Западная башня была самой высокой точкой города и открывала лучший вид на всё Королевство, Сокрытое в Лунном Свете.

Под холодным лунным светом земля и небо были полностью неподвижны, в то время как обширная пустыня превратилась в золотое море. Бесчисленные белые цветы цвели по всей территории, усеянные искорками светлячков.

Светлячки несли не просто тёплый оттенок белого. Столь же красочные, как стеклянные фонари вдоль улиц, светлячки сливались в эфемерный поток оттенков и плыли по медленному вечернему бризу, превращая всё в блестящую мечту.

Стоя перед такой величественной сценой, Цзинь Чэн просто отступил и мягко любовался видом. Он нес стеклянный фонарь, полученный в награду за предыдущую миссию, и ловко забрался на вершину башни, затем устойчиво встал на наклонной черепице, одной рукой ухватившись за шпиль, и смотрел вдаль.

— Смотри, когда все огни зажжены, это становится цветком. — сказал он, его голос, унесённый вечерним бризом, был окрашен оттенком радости и гордости.

В какую бы обстановку Цзинь Чэна ни бросили, он всегда мог найти для себя немного отдыха, например, зажечь весь город.

Город Королевства, Сокрытого в Лунном Свете, был круглым, и его улицы не были прямыми, большинство изгибались определённым образом. Днём это было нелегко заметить, но теперь, когда огни были зажжены, они обнаружили, что эти улицы все соединялись вместе, образуя цветущий цветок.

В задании, где они помогали слепому Билли, предыдущий король сказал своим людям: «когда фонари горят, разноцветное стекло будет похоже на распускающиеся цветы. Тогда нашим гражданам не придётся целый день смотреть на ветер и песок».

Действительно.

Бум! Внезапно громкий звук донёсся сверху. Тан Цю поднял голову и увидел поток света,

взмывающий в небо и проходящий через изогнутую луну-серп, затем фейерверк расцвёл в звёздной ночи.

Тан Цю вздрогнул, затем спросил:

— Это фейерверк на Фестиваль Цветов?

В побочной миссии [Маленькие Игрушки Мистера Тока] мистер Ток хранил в сундуке множество игрушек, чтобы радовать детей. Некоторые из них были палочками-фейерверками, вероятно, приготовленными для Фестиваля Цветов.

Цзинь Чэн зажжёт палочку-фейерверк и сказал:

— Раз сегодня Фестиваль Цветов, будет жаль не устроить фейерверк.

Тан Цю воздержался от комментариев. Хотя было много признаков того, что время в этом городе остановилось в день Фестиваля Цветов, это не означало, что сегодня обязательно должен быть день фестиваля. Когда два путешественника из далёких земель вошли в это место, возможно, с того Фестиваля Цветов прошли сотни лет. Но Тан Цю не хотел разрушать атмосферу, поэтому он ничего не сказал и молча наблюдал.

Он думал о побочных миссиях одно за другим.

Прекрасная Сесилия, тайно влюблённая в Ланселота; тётя Анна, усердно работавшая, чтобы отправить сына в школу; слепой Билли, всё ещё тосковавший по огням; затем Ив и Маленький Джек, лелеявшие великие мечты. Хотя их и не видели, следы их существования были повсюду.

Сколько ещё подобных побочных миссий было скрыто в этом Королевстве, Сокрытом в Лунном Свете?

— Разве ты не поднимаешься? — Цзинь Чэн высунул голову сверху.

— Зачем мне подниматься? — сказал Тан Цю.

— Осталось ещё две палочки-фейерверка, разве ты не хочешь их зажечь? Может быть, это ключ к активации миссии.

— О. — Как будто я верю твоей ерунде.

Конечно, Тан Цю не поверил, но через несколько минут он все же забрался на вершину башни и сел рядом с Цзинь Чэном, чтобы зажечь фейерверки. Вечерний бриз нежно дул, стеклянный

фонарь, который Цзинь Чэн повесил на шпиль башни, раскачивался в свете и тени, размывая эту похожую на сон землю.

С завораживающими фейерверками над головой и ослепительными огнями вокруг Тан Цю молчал, и краем глаза он уловил профиль Цзинь Чэна. Он не совсем понимал, почему такой хороший мужчина, как этот, все еще оставался одинок в своем возрасте.

Цзинь Чэну было 32 года, когда он погиб.

Когда Тан Цю был в лагере, он часто слышал разговоры о том, кто влюблен в инструктора или какие капитаны хотели его сосватать. Цзинь Чэн происходил из хорошей семьи, был хорошо образован, имел приятную внешность и блестящие перспективы. Тан Цю верил, что однажды он женится на таком же хорошем человеке.

Кто бы мог подумать, что этот мужчина внезапно умрет в 32 года и не оставит после себя ничего?

— Я помню, что говорил это в день нашей встречи. — Цзинь Чэн повернулся, одной рукой поглаживая подбородок, и с улыбкой сказал: — Если ты будешь смотреть на меня так, у меня могут возникнуть грязные мысли, и я не смогу уснуть ночью.

Да заткнись ты. Я правда буду проклинать тебя до смерти.

Тан Цю решил ударить его, поэтому он помолчал несколько секунд, а затем внезапно сказал:

— На самом деле я люблю...

Цзинь Чэн поднял брови. Это было действительно неожиданно, и он остолбенел. Затем Тан Цю тяжело выдохнул и с каменным лицом добавил:

—...твое количество очков.

Цзинь Чэн рассмеялся сквозь злость и швырнул последнюю палочку в объятия Тан Цю:

— Проснись, я не дам тебе ни одного очка.

Тан Цю тоже было все равно, и он небрежно повернулся, чтобы поджечь палочку. В тусклом свете никто не увидел, как уголок его рта слегка приподнялся, а затем снова быстро выпрямился.

Бум! Фейерверк снова расцвел, и оба подняли головы. Это было поистине потрясающе.

В то же время, в тюрьме Города Вечной Ночи в Зоне G.

Из-за серии беспорядков в Зоне F обычно полупустая тюрьма внезапно оказалась заполненной более чем на восемьдесят процентов. Если один человек бросал взгляд на другого, скорее всего, они были знакомы.

И поскольку тюрьма не была разделена по зонам, к которым принадлежали игроки, элита Зоны A была вынуждена общаться с теми, кого они любили называть «отбросами Зоны F». Все оставались в одном месте и ели одну и ту же еду, никто не был благороднее другого.

Цзян Хэ и Чэнь Лю, оба члены «Воли Небес», оказались рядом друг с другом, и Великий Маг Лэн Мяо и два знакомых игрока из Зоны A также оказались в одном месте. Что касается Чун Яньчжана и кукловода Яо Цина, их поместили немного поодаль.

Поскольку игроки из Зоны F и других зон смешались с этой группой больших боссов, все они съезжались в углу, желая стать невидимыми. Однако в Зоне G были одиночные камеры, поэтому большие боссы оставались мрачными и не собирались предпринимать никаких действий.

Камера Цзян Хэ находилась в конце коридора, со стеной справа и Чэнь Лю слева. По диагонали напротив него был Лэн Мяо, а прямо напротив — босая девочка.

Девочка лежала на земле спиной к нему, вся сжавшись в комок. На голове у нее был забавный зеленый головной убор динозавра, словно оторванный от какой-то другой одежды.

Цзян Хэ наблюдал за ней, потому что с того момента, как он вошел в тюрьму, девочка не двигалась вообще, и вся ее одежда была в засохшей крови. Он смотрел на нее долго, прежде чем понял, что это больничная одежда.

Чэнь Лю столько болтал ерунды, что Цзян Хэ захотелось его убить.

— Цзян Хэ, скажи мне правду, ты ведь давно раскусил план Цзинь Чэна? Ты же специально это сделал, да? Ты все это время держал на меня обиду, поэтому специально молчал, чтобы я попал в его ловушку. Если ты такой, то я —

Цзян Хэ, наконец, не выдержал и мрачно сказал:

— А ты заслуживаешь другого?

Чэнь Лю тяжело вздохнул и встал. Он не мог видеть Цзян Хэ сквозь стену, но это не мешало ему изливать свой гнев.

— Цзян Хэ, не думай, что я не знаю, что ты задумал. Ты просто хочешь быть вторым номером,

да? Ты смотрел на свою позицию? Если ты присоединился позже, с чем ты будешь со мной бороться?

Услышав это, Цзян Хэ закрыл глаза и внезапно потерял ход мыслей.

Чэнь Лю продолжал наступать:

— Почему не отвечаешь? Чувствуешь себя виноватым? О, позволь тебе сказать, Цзян Хэ, если я еще здесь, не смей строить никакие козни! Думаешь, ты здесь единственный умный? Разве тебя не провел Цзинь Чэ—

Не успев закончить, магическая атака внезапно ударила из камеры напротив, прошла сквозь железные прутья и решительно попыталась отсечь его руку. Чэнь Лю быстро уклонился, затем его разъяренный взгляд устремился на другую сторону и встретился со взглядом Лэн Мяо. Он внезапно сдержался.

— Ты так шумишь. — Сказал Лэн Мяо с ледяным выражением лица.

Чэнь Лю отпустил руку и перестал говорить. Если Чун Яньчжана не было здесь, он не посмел бы противостоять Лэн Мяо.

Лэн Мяо тоже не хотел разговаривать с этим тупицей, и он пристально смотрел на Цзян Хэ, чувствуя внутри крайнее раздражение. Это раздражение было направлено не на Цзян Хэ, а на самом деле на Цзинь Чэна. Он вышел из себя только что, потому что Чэнь Лю снова упомянул Цзинь Чэна.

Запах в камере был нехорошим, и вонь крови из соседней камеры, вероятно, сохранялась уже несколько дней. Она была настолько сильной, что вызывала у него тошноту.

Лэн Мяо больше не хотел этого терпеть, поэтому он поднял руку и создал «Воздушную Клетку», чтобы запечатать соседнюю камеру. С этой «Воздушной Клеткой» ему наконец стало комфортнее, хотя все это могло быть лишь игрой его разума.

Через некоторое время Цзян Хэ внезапно посмотрел на него и сказал:

— Если ты сделаешь это, человек внутри умрет от гипоксии.

Лэн Мяо усмехнулся:

— Ты что, жалеешь ее?

Цзян Хэ:

— Я просто подумал, что для Великого Мага Лэн Мяо, даже если ты жаждешь [Двенадцати Движений Симфонии], ты не тот, кто убивает других игроков просто так, ради забавы.

— «Воля Небес» отравила всю Зону F и отправила кучу людей в тюрьму, а ты тут говоришь со мной об этом?

— Отравить — это всего лишь посадить в тюрьму. Но убить здесь — это по-настоящему убить.

Тон Цзян Хэ был ровным, как будто это был просто очевидный факт.

Рука Чэнь Лю дрожала от боли, и, услышав слова Цзян Хэ, он скрежетал зубами от ярости. Это было то, что он ненавидел в Цзян Хэ больше всего. Перед любым человеком он был ни подобострастным, ни высокомерным. Чун Яньчжан также говорил, что он несет в себе ауру полковника. Когда они выступили против Цзинь Чэна на этот раз, Цзян Хэ первым возразил в тот момент, когда Чэнь Лю предложил использовать BS101.

Все они были опытными игроками Зоны А и знали друг друга. К чему эти моральные принципы? Так лицемерно, так отвратительно.

Чэнь Лю только надеялся, что Лэн Мяо тоже возненавидит такого лицемерного человека. У этого мужчины была печально известная холодность, и немногие могли ему угодить.

Но Лэн Мяо внимательно посмотрел на Цзян Хэ и убрал «Воздушную Клетку». Цзян Хэ кивнул ему, но ни одна из сторон больше не заговорила.

Чэнь Лю в ярости плюхнулся на пол, его лицо позеленело. Но он не посмел оспаривать Лэн Мяо. Он бросил гневный взгляд на девочку и обнаружил, что она внезапно закашляла, и ее тело дернулось, но вскоре снова затихло.

«Динь-динь-динь—» Внезапно зазвенел электрический звонок.

Сердце Чэнь Лю екнуло, и он тут же забыл о девочке, потому что, если зазвонил электрический звонок, надзиратель совершит обход.

Кошмар тюрьмы Зоны G снова наступил.